Сень Д. В.
(Ростов-на-Дону)

УДК 94 (470.62)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШПИОНОВ АТАМАНА И. НЕКРАСОВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (1708 – 1720-е гг.)¹

Исследуются причины, формы и способы отправки с территории Кубани, входившей в состав Крымского ханства, шпионов, чья «подрывная» деятельность чаще всего направлялась атаманом Игнатом Некрасовым. Впервые в науке системно анализируются задачи, ставившиеся этим некрасовским шпионам, а также условия, как способствовавшие, так и препятствовавшие их выполнению. В ходе достижения цели и задач использованы общенаучные и специальные исторические методы. Статья основана на письменных исторических источниках XVIII в. из нескольких федеральных и государственных архивов России. В работе уделено внимание географии «подрывной» деятельности таких людей, анализу их состава и особенностям подготовки для выполнения задач, не всегда связанных со сбором разведывательной информации на территории России. Были выявлены и изучены, кроме того, реакции различных категорий российских подданных, общавшихся со шпионами Игната Некрасова, в т. ч. уходивших на Кубань по их «подговорам». Системно проанализированы многочисленные розыскные, в т.ч. профилактические, мероприятия российских властей, направленные на пресечение/предотвращение деятельности некрасовских шпионов, а также на их поимку и организацию допросов.

Ключевые слова: Войско Донское, допросы, казаки-некрасовцы, Крымское ханство, пограничье, расспросные речи, Российское государство, шпионы.

The author investigated the reasons, forms and methods for sending spies from the territory of the Kuban, part of the Crimean Khanate to Russia. The Spies "subversive" activities were most often directed by the ataman Ignat Nekrasov. For the first time in academia, the author systematically analyzed the tasks assigned to these Nekrasov spies, as well as the conditions that both facilitated and hindered their implementation. Achieving the goal and objectives of this article, general scientific and special historical methods were used. The article is based on written historical sources XVIII c. from several Russian federal and state archives. The paper focuses on the geography of the "subversive" activities of such people. The analysis of their composition and the peculiarities of training to perform tasks that are not always associated with the collection of intelligence information on the territory of Russia. In addition, the reactions of various categories of Russian subjects who communicated with the spies of Ignat Nekrasov were identified and studied. Numerous search engines have been systematically analyzed, preventive measures of the Russian authorities aimed at suppressing / preventing the activities of the Nekrasov spies, as well as at their capture and organization of interrogations.

Keywords: Don Cossack Host, interrogations, Nekrasov Cossacks, Crimean Khanate, borderland, interrogative speeches, Russian state, spies.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-134-143

Помимо вопросов об интенсивности отправки в Россию шпионов с Кубани и реакция на их агитацию российских подданных (в т. ч. рассмотренных в первой части этой моей статьи), обозначу еще несколько актуальных исследовательских проблем. Среди них – определение И. Некрасовым кандидатур на роль шпионов, логистика их подготовки и отправки (включая переодевание шпионов –

¹ Окончание. Начало см.: История: факты и символы. 2021. № 3. С. 82-93.

напр., монахами или старцами), наличие или отсутствие «прелестных писем» и т. п. Случалось, что шпионами становились выходцы с Дона и других территорий, в т. ч. казаки, имевшие там родственников, а также лица, ранее выполнявшие подобные задания [8, с. 66; 11, д. 103, л. 167-168]. Доноситель Ф. Медведев подслушал в 1726 г., что шпион-некрасовец Я. Резепка «...многократно повсегодно проводил (выделено мной. – Д. С.) с реки Дона к Некрасову на Кубань, а ныне де он Резенка (должно быть «Резепка». – Д. С.) похваляется провести с Дону казаков тысяч с десять, почему и дано де ему от Некрасова письмо, чтобы провести их мимо Азова» [8, с. 67]. И. Дубасов описал случай, когда в мае 1715 г. «по нашим городкам и селам (речь о г. Шацке и его округе. – Д. С.), в нищенском и монашеском одеянии, стали ходить шпионы и посланцы – подговорщики от бунтовщиков Некрасова и Яшки Шешкова, с Кубани. Во главе этих Некрасовских шпионов стоял некто Сокин, местный беглый наш монастырский крестьянин (выделено мной. – Д. С.). Власти встревожились и начали ловить изменников, а по всем дорогам и переправам организованы были разъезды, так как со дня на день ожидалось нападение на наш край кубанцев и некрасовцев» [7, с. 14]. Русские люди, отмечал А. А. Гераклитов, предлагали татарам свои услуги в качестве знатоков местности – из числа тех, кто бежал из России на Кубань под воздействием агитации некрасовцев [3, с. 323]. Таким человеком оказался, к примеру, М. Афанасьев, бежавший с группой своих товарищей на Кубань «для воровства» – чтобы «кубанцев подводить под русские государевы города, села и деревни» [3, с. 323]. Таким образом, отправка с Кубани таких и подобных им людей могла обеспечить той или иной шпионской миссии (одиночной или групповой) дополнительный успех. Полагаю, что для И. Некрасова привычным было личное общение с отправляемыми в Россию шпионами, включая определение им целей, задач, сроков выполнения заданий и т.п. [11, д. 103, л. 167; 9, с. 280].

Дело облегчалось для некрасовцев знанием местной обстановки и жизни на Дону, причем, данное суждение можно распространить на поведение разных некрасовцев, не только шпионов. Случалось, они выдавали себя за жителей донских станиц, хотя подобный прием не всегда удавался. Однажды донские казаки и калмыки, переправлявшиеся в 1716 г. через р. Егорлык, повстречались с группой всадников численностью около 90 чел. При этом, один из неизвестных донцам людей сказал, «что будто и они донские же их казаки ис Паншиной и ис Кагалиной станиц и идут-де для добычи под Кубань» [5, д. 1471, л. 59; см. также: 5, д. 1471, л. 60-60 об.]. Вышедший с Кубани в 1711 г. казак-некрасовец рассказал, что «...де ныне у речки Еланчику некрасовцы их говорили з салдатами, что бутто хотят притти с повинною, и чтоб к ним прислать верное письмо; и то де они говорили неправду, обманывая салдат, как бы из них кого поимать для языка. Он же де слышал, естли будет приход государевых войск х Кубани, то кубанцы хотят уйти в горы и некрасовцы с ними ж» [10, д. 31, л. 45 об.].

Шпионы И. Некрасова регулярно снабжались перед отправкой в Россию письмами, анализ информации (чаще всего – косвенной) о которых составляет отдельную исследовательскую задачу. Ее следует изучать на фоне не менее важных и актуальных задач – о письмах из России на Кубань, направленных от некрасовских сторонников и осведомителей, а также о других формах коммуникации. По словам одного некрасовского шпиона (1715 г.), донской казак В. Гордеев, якобы приходившийся кумом И. Некрасову, «о всяком возмущении о чем с российской стороны не уведает, о том о всем пишет в Азов и на Кубань к вору Некрасову. А имеет де он торговой промысл и для того промыслу ездит в Черкасской и бывает в Азове почаству» [11, д. 103, л. 167 об.]. В 1718 г. донской казак Е. Щедрин рассказал по «государеву слову» об одном хоперском казаке, сообщившем о переписке И. Некрасова с верховыми городками: «...чтоб они шли жить на Кубань... А как де они пойдут з Дону на Кубань, и они б казаки о том к нему... писали» [12, д. 6, л. 74]. Казак И. Чаган, вернувшийся в 1720 г. с Кубани на Дон и прощенный Войском Донским, будучи допрошен, даже запросился в столицу – желая донести на тех людей, «которые с тем Некрасовым списывались» [6, д. 1476, л. 24]. По данным казака ст-цы Быстрианской А. Козловца,

верховые казаки отправляли своих пятерых казаков на Кубань к И. Некрасову, «которые де от толь возвратились к нему обратно с письмом» [14, с. 20]. Российским властям также доносили на казака ст-цы Беляевской Безбороду, якобы отправившего в 1726 г. к тому же И. Некрасову пятерых своих бурлаков [14, с. 18].

В ходе организации шпионской сети И. Некрасов не гнушался пользоваться услугами «случайных» и, скорее всего, не вполне проверенных людей. Одна такая история, состоявшая с участием беглых российских солдат, произошла в 1715 г. в окрестностях османского Азова. Один из ее главных участников – беглый солдат «Зиновьева баталиона» В. Петров, оказавшийся в 1715 г. в османском Азове и повстречавшийся в его округе с И. Некрасовым и его казаками [11, д. 103, л. 198]. Собственно, дело стало развиваться после того, как 11 октября 1715 г. беглеца доставили в Тамбов из Транжамента, а вице-губернатор С. А. Колычев написал о нем и его показаниях гр. Ф. М. Апраксину 13 октября 1715 г. [11, д. 103, л. 198]. Комендант Транжамента А. Пиля писал вице-губернатору С. И. Колычеву 29 сентября о том, что В. Петров был доставлен к нему с Дона с письмом от войскового атамана В. Кумшацкого, датированным 20 сентября 1715 г. Из пространного письма А. Пили и копии расспросных речей В. Петрова стали известны обстоятельства побега солдата с Дона в Азов и общения с И. Некрасовым. После побега В. Петров «пришел в Азов и турченин де именем Ивлей, взяв, отвел ево к паше своему, азовскому, и тот де паша Василья... велел взять тому ж турченину... к себе в работу, и жил у него недели з две...» [11, д. 103, л. 201]. С двумя другими беглецами из России В. Петров ловил на Дону под Азовом рыбу. Туда приехал со своими казаками И. Некрасов, ранее прибывший в Азов, и пожаловавший в ватагу для покупки рыбы. Уточнив у беглецов, не «обусурманились ли они», И. Некрасов пригласил их на разговор в свою палатку [11, д. 103, л. 199]. Приведя всех троих «ко кресту» (при этом беглецы целовали икону), И. Некрасов вручил каждому из них по письму, адресованному «сиятельному адмиралу» (Ф. М. Апраксину?), судье Военного приказа (?) и фельдмаршалу Б. П. Шереметеву [11, д. 103, л. 199 об.]. По словам В. Петрова, атаман собирался «великому государю вину свою заслужить» и обещал, что если адресаты ему ответят, то он «Азов возмет и турук вырубит».

Подчеркну, что, по словам В. Петрова, все три письма были написаны до «приходу их к нему Некрасову в палатку, а кто писал... не ведает... Толко де те писма при нем Некрасове и при товарищех ево им Василью с товарищи вычитали и прочетчи запечатав, им отдали» [11, д. 103, л. 202]. После этого И. Некрасов якобы изложил им план по захвату Азова. В частности, атаман нашел повод перезимовать со своими казаками в Азове, попросив об этом азовского пашу [11, д. 103, л. 202]. Некрасовцы сопровождали беглецов до Каланчинских башен, откуда те направились «кубанскою стороною и шли три ночи, а днями лежали в камышах...». Ниже р. Аксай товарищи В. Петрова покинули его, намереваясь «переехать через Дон и идти чрез Бахмут». После этого В. Петров пошел в Черкасск, зашив в шапку врученное ему И. Некрасовым письмо. После разговора в местном шинке с донскими казаками о своем пребывании в Азове В. Петров попал в руки войскового караула. Уже на следующий день его препроводили к коменданту А. Пилю в Транжамент, где затем расспрашивали и пытали. По распоряжению А. Пили были организованы розыски шапки с якобы зашитым в нее письмом. Атаман Войска Донского М. Кумшацкий позже писал коменданту, что он лично «при старшинах тое шапку роспорол всю, никакова писма не явилось». После этого В. Петрова пытали, «а с пытки говорил те ж речи, что и в роспросе выше сего, а товарищи де вышеписанные Преображенского полку салдат Яков Андреев, да саратовец Михайло Герасимов с такими ж писмами пошли подлинно на Бахмут...» [11, д. 103, л. 200].

Весной 1715 г. (точнее, за три недели до Пасхи) И. Некрасов отправил с Кубани «в Русь» восемь своих шпионов, одетых «нищенским образом» [11, д. 103, л. 167]. Был среди них и Ф. Позняков, пойманный в мае того же года в с. Архангельском Козловского уезда. На допросе «с пытки» шпион показал, что вместе с товарищами он был отправлен «вором»

И. Некрасовым «для проведыванья и осмотра от казачьих городков по черте государевых полков...» [11, д. 103, л. 167]. Шпионам надлежало передать собранную информацию казачьей станицы Тепикинской В. Гордееву, который «всякую ведомость к нему, Некрасову, станет чинить» [11, д. 103, л. 167]. Часть группы сумела добраться до указанной станицы, откуда местные казаки, сторонники И. Некрасова, отправили ее в «русские города», кроме одного шпиона – В. Жука. Ф. Позняков рассказал в ходе допроса, что именно В. Гордеев должен был сообщить собранную информацию И. Некрасову на Кубань: «...и с тем ведением на Кубань к Некрасову нарочно посылать...» [11, д. 103, л. 167 об.]. Особенно важны слова о том, что В. Гордеев, якобы приходившийся кумом И. Некрасову, «о всяком возмущении о чем с российской стороны не уведает, о том о всем пишет в Азов и на Кубань к вору Некрасову. А имеет де он торговой промысел и для того промыслу ездит в Черкасской и бывает в Азове по часту» [11, д. 103, л. 167]. Товарищи же Ф. Познякова отправились с Дона через Усерд, Острогжск, Старый и Новый Осколы до Москвы, где должны были встретиться на Красной площади. Интересно, что перед отправкой шпионов в Россию И. Некрасов якобы заявил, что дождется от них «ведомости», а если не дождется, то «со всеми единомышленники своими хотел итить для разорения под украинные государевы города, а иминно под Танбов, под Казлов, под Усерд, под Острогжск, под Новой и под Старой Осколы и под другие города» [11, д. 103, л. 168]. Копия этих расспросных речей была направлена С. Колычевым гр. Ф. М. Апраксину 15 мая 1715 г. вместе с отпиской, сообщающей об оперативных розыскных мероприятиях в связи с информацией о некрасовских шпионах [11, д. 103, л. 165–166 об.]. Так, помимо необходимых указов, отправленных на Дон, были посланы т.н. опасные указы «в украинные города х кому надлежит и в слободские полки Воронежской губернии к полковником черкасским...».

В том же 1715 г. И. Некрасов отправил в Россию еще, как минимум, одну группу шпионов «в нищеском, а иные и в старческом платье с иконами...» [9, с. 279]. 10 мая командующему войсками в г. Шацке О. С. Засецкому был послан указ из Тамбовской губернской канцелярии, повелевавший «того города в уезде смотреть на крепко ежели где явитца посланные с кубани от вора и изменника Некрасова шпионы и оных людей ловить и роспрашивая присылать в Танбов тотчас, а от приходу и незапных набегов от воров Некрасовцов и кубанцов иметь осторожность...» [9, с. 278]. Указом от 4 июня 1715 г. О. С. Засецкий извещался о поимке шпионов И. Некрасова, присланных в Тамбов, о которых писалось выше. Они рассказали «в роспросех и с пыток», что были отправлены с Кубани в «украинные по здешней черте города для проведыванья и осмотра его царевых войск... и велено де им шпионом наведаясь и усмотря оного возвратитца к тому ж вору Некрасову на Кубань в скорости» [9, с. 279]. Замечу, что шпионская группа была многочисленной – около 40 чел. Причем, как и в случае с группой Ф. Познякова, ее участники притворились нищими, а также старцами с иконами! И. Некрасов торопил своих шпионов – перед отправкой им было сказано, что если они «умедлят» с возвращением, то «кубанская орда вся и вор Некрасов»... имеют намерение итить под черкасской и по другие украинные города» [9, с. 279]. Эти сведения «заподлинно» подтвердились: согласно оперативным данным, кубанцы и некрасовцы «пошли и реку Дон между казачьих городков Багаева и Бесергенева перелезли и Донец перешли ниже быстрианкса (ст-цы Быстрианской. – Д. С.) на сей бок» [9, с. 279]. В анализировавшемся выше июньском указе говорилось о необходимости принятия О. С. Засецким мер по поимке и допросу шпионов с Кубани, а также об организации постоянных застав и разъездов «конных и оружейных людей» [9, с. 279].

Замечу, что российская сторона тоже использовала потенциал шпионов для сбора разведывательной информации о противнике на южном направлении. 3 ноября 1722 г. на Дон была направлена царская грамота, сообщавшая о сенатском решении: отправлять на Кубань и в Крым российских шпионов, в т.ч. под видом «добрых купцов». Им повелевалось «о намерениях их (не некрасовцев, замечу, а татар и турок. – Д. С.) всячески проведывать, а для такой же предосторожности и посылок в Белгороде иметь из Слободских полков с пе-

ременою по пятьдесят человек» [14, с. 1]. Грамотой же, отправленной на Дон еще 29 октября 1722 г., Войску Донскому повелевалось «посылать к Кубанской степи ради проводывания партий, а на Кубань добрых шпионов...» [14, с. 2]. Указ Военной коллегии 1720 г., адресованный воронежскому вице-губернатору С. А. Колычеву, содержал важную, подробную информацию о формах и методах борьбы со шпионами И. Некрасова и с их помощниками. Предполагалось действовать решительно, в т.ч., как сказано в документе, «жестокими указами», адресованными комендантам и воеводам. Властям надлежало активно ловить и допрашивать шпионов, узнавать о путях их проникновения в Россию и пр. При всех церквах повелевалось «публиковать» сообщения о том, что если кто «такова шпиона где пропустит или квартиру ему даст», а увидев – не поймает и не приведет – то «без всякого милосердия казнены будут смертью» [8, с. 66]. В июле 1720 г. в Пензенской провинции были пойманы некрасовские шпионы, включая П. Сапана, присланные от И. Некрасова «для возмущения и бунту, и осмотреть крепосте (так в публикации. – Д. С.) и служилых людей» [13, с. 157]. Властям также стало известно о крестьянине д. Малая Пуза Арзамасского уезда – Г. Ерославцове, принимавшем у себя дома П. Сапана. В том же месяце крестьянина схватили вместе с сыновьями и отправили, соответственно, в Пензу и в Арзамас. Из других документов дела стало известно еще об одном некрасовском шпионе, по-видимому, из той же группы – И. Межданове [13, с. 158]. Еще в октябре того же года следствие продолжалось, характеризуясь некоторыми особенностями. В частности, не подтверждалась вина крестьянина Г. Ерославцова, которого было решено временно отпустить «на поруки».

О поимке некрасовского шпиона П. Сокина и его показаниях сообщалось царской грамотой на Дон от 31 декабря 1720 г. [1, с. 285-287]. Впрочем, еще 22 сентября 1720 г. Войско Донское информировалось по тому же вопросу на основании соответствующего доношения царю из Воронежа от вице-губернатора С. А. Колычева. Чиновник, кроме того, информировал царя об отправке «экстракта» расспросных речей П. Сокина, присланных из Тамбова от комиссара Ознобишина [1, с. 286]. А грамотой от 31 декабря 1720 г. Петр I сообщал Войску Донскому о мерах по розыску некрасовских шпионов в Воронежской губернии и за ее пределами [1, с. 286]. Судя по всему, в этом документе пересказывалось содержание царского указа С. А. Колычеву, цитировавшегося выше по публикации И. И. Дмитренко. Вновь обращаю внимание на системный и продуманный характер правительственных мероприятий как по розыску некрасовских шпионов, но и по предотвращению недонесения на них со стороны местного населения. Важно сказать о том, что подобные указы были отправлены в Казанскую, Астраханскую губернии, а также украинскому гетману И. И. Скоропадскому [1, с. 286]. Таким образом, аналогичное повеление получило и Войско Донское – «во всех ваших казачьих городках о престоережении от таких шпионов и о поимке оных чинить по вышеписанному нашему, царского величества, указу» [1, с. 286]. Донцам также сообщалось о необходимом взаимодействии, в случае причастности донских казаков к «воровству» П. Сокина, с вице-губернатором С. А. Колычевым и с Коллегией иностранных дел [1, с. 286]. Впрочем, некоторые меры были приняты Войском Донским уже между 22 сентября и 31 декабря 1720 г. 8 декабря 1720 г. г. датирован войсковой (скорее всего – однотипный), указ атаману и казакам Средней Черкасской станицы, созданный, судя по всему, на основании одного из царских указов [4, д. 1393, л. 5]. Этим царским указом Войску Донскому повелевалось «пристерегать шпионов, которые иногда посылаютца... с Кубани от... изменника Некрасова и таких бы сыскивать, ловя, чинить им розыск...» [4, д. 1393, л. 5]. В случае поимки шпионов станичный атаман и казаки должны были доставлять их в Черкасск. Кроме того, казаков предупреждали, что если информация о шпионах не дойдет до властей, «и чрез то несмотрение пропустица шпион вглубь Российских городов», то виновные «повинны быть... жестокому наказанию без всякого милосердия смертью» [4, д. 1393, л. 5].

Документы подтверждают мнение о том, что известия о поимке и расспросах некрасовских шпионов регулярно вызывали как обеспокоенность высших, центральных и мест-

ных (в т.ч. губернских учреждений), так и принятие жестких контрмер. Обо всем этом речь шла, например, в указе от 8 февраля 1720 г., определявшем реакцию Военной коллегии на сведения о расспросных речах еще одного пойманного некрасовского шпиона, отправленных вице-губернатором С. А. Колычевым генерал-лейтенанту кн. И. Ю. Трубецкому при его письме от 12 января 1720 г. [2, д. 2, л. 17]. Это известие вызвало быструю «цепную» бюрократическую реакцию, связанную с актуализацией письменной переписки между различными администраторами высокого уровня, как военных, так и гражданских. В их числе оказались генерал-майор Г. С. Кропотов, С. А. Колычев, казанский губернатор А. П. Салтыков. Им тоже должны были направить указы о том, чтобы «оних шпионов сыскивать и которые из них или из других сысканы будут, тех, оковав, присылать за крепким караулом в Санкт-Петербург в Военную коллегию и впредь таких шпионов накрепко преследовать...» [2, д. 2, л. 17–17 об.]. Предполагалось предпринять и другие жесткие меры, в т.ч. направленные на борьбу с кубанцами и с «изменниками», т.е. с некрасовцами, а также с их шпионами [2, д. 2, л. 17 об.].

Наиболее поздние, из известных автору, документов о некрасовских шпионах относятся к 1726–1728 гг. [2, д. 2, л. 1-194]¹. Краткий пересказ соответствующей истории содержится в публикации И. И. Дмитренко [8, с. 65-68]. Впрочем, ученый не вполне верно определил ее начало – на самом деле извет яицкого казака Ф. Медведева (исходное основание всего последующего розыска) относился не к 1727 г., а к 1726 г. 28 ноября 1726 г. в Транжаментной канцелярии был допрошен русский человек – Федор Иванов сын Медведев, отправившийся из Яицкого войска на второй неделе Великого поста «для гулбы звериной ловли» [2, д. 2, л. 150]. На Дону с ним случилось серьезное происшествие: ниже Качалинского городка, напротив Голубых, его ограбили калмыки [2, д. 2, л. 150]. После этого он направился в Бабскую станицу, а затем, по Северскому Донцу – до ст-цы Луганской, «и пришел на речку Деркул в зимовье, в котором живут Митякинской станицы казак Феофил Клементьев» [2, д. 2, л. 150 об.]. Там, по словам изветчика, он и встретился с некрасовскими шпионами – Я. Резепкой и, как выяснилось впоследствии, с Д. Михневым. С р. Деркулы изветчик пошел на Миус, где обнаружил «камышников», двух казаков ст-цы Луганской. Затем он якобы подслушал в земляке разговор этих людей: «...оной Резепка многократно проводил повсягодно с реки Дону казаков к Некрасову на Кубань. А ныне де он, Резепка, похваляетца, хотя де проведет з Дону казаков тысяч из десять. И того де ради дано ему... с Кубани от Некрасова и письмо, чтоб мимо Азова оных казаков и провести на Кубань. И ныне оной Резепка живет на Деркуле в зимовом курене... Феофила Клементьева» [2, д. 2, л. 150 об.]. Далее Ф. Медведев сообщал о 15 людях, живших на р. Миус и «на Крынках», якобы готовых бежать на Кубань весной 1727 г., «а хлеб, и ружье, и платье спрятано у них в земле» [2, д. 2, л. 151 об.].

По данному извету в Транжамент были доставлены 13 декабря 1726 г. шесть колодников, допрошенные «порознь» в тамошней канцелярии. Среди них оказались Дмитрий Степанов сын Михнев, Феофил Клементьев сын Кулемзин, Григорий Иванов сын Тимофеев, Игнатий Воронков, Яков Колесников, Гаврила Епифанов сын Перепечин [2, д. 2, л. 4–15]. Среди них был и некрасовский шпион Д. Михнев, ранее отправленный С. Кобыльским с некрасовцем же Я. Резепкой «в Российскую империю, чтоб он, Резепка, призвал из донских горотков на Кубань к нему, Кабыльскому, попа и других людей» [2, д. 2, л. 4 об.]. Обращает на себя внимание фраза Д. Михнева о том, что это случилось после того, как С. Кобыльский со своими казаками «отделился... от... Некрасова» [2, д. 2, л. 4 об.]. Не исключено, что между двумя лидерами произошла ссора, потребовавшая от С. Кобыльского

¹ Выражаю благодарность к.и.н. П. А. Авакову за информацию об архивном деле из ГАКО. Копирование документов и их ввод в научный оборот осуществлены автором статьи.

не только «отделения» (переселения), но и поиска духовного лица для окормления именно своей группы.

Нам немного известно о происхождении Д. Михнева (однодворец, уроженец с. Петрова Будища Обоянского уезда) и Я. Резепки (до ухода на Кубань проживал в ст-це Краснянской на Северском Донце) [2, д. 2, л. 4 об., 72]. Если доверять показаниям Ф. Медведева, то Я. Резепка неоднократно занимался сманиванием людей из России. Так, извечник рассказал, что, будучи на р. Деркуле в зимовье у казака Митякинской станицы, он «прислушал в землянке от некрасовцов», что «Резепка многократно проводит повсюду с реки Дону козаков с Некрасову на Кубань...» [2, д. 2, л. 45]. По словам Д. Михнева, он покинул Кубань в 1726 г. вместе с Я. Резепкой вскоре после Петрова дня. Далее Д. Михнев подробно сообщал о попытках выполнить задание С. Кобыльского, об общении с казаками ст-цы Луганской, с казаком ст-цы Митякинской Ф. Клементьевым на р. Деркуле, в зимовье у которого он укрывался и пр. Обращает на себя внимание, что, знакомясь с новыми людьми, Д. Михнев открыто говорил им, что он некрасовец, присланный с Кубани с конкретной целью. Во время пребывания у Ф. Клементьева туда явился Я. Резепка с известием о том, что «он нашел вдоваго попа на пасике... которой поп ево, Резепку, с пасики збил» [2, д. 2, л. 6 об.]. После этого Я. Резепка сообщил о своем намерении идти в Чугуев – искать попа там, после чего дороги шпионов якобы разошлись...

Дело продолжилось в Воронежской канцелярии, куда шесть колодников были отправлены для розыска 21 декабря 1726 г. Туда же отправили в начале января 1727 г. и Ф. Медведева, сказавшего за собой «слово». Пытались власти отыскать и задержать Я. Резепку [2, д. 2, л. 45–46], но безрезультатно... хотя розыск расширялся, принося следствие все новые и новые данные, в т.ч. о загадочных «богородцах», среди которых оказались как донские казаки (в т.ч. Феофил Клементьев сын Кулемзин, принимавший у себя Д. Михнева и Я. Резепку), так и не казаки [2, д. 2, л. 52–63, 64–77]. К таким «богородцам» принадлежала и Агафья Нефедьева, проживавшая в ст-це Луганской, знакомая с извечником – Ф. Медведевым и намеревавшаяся бежать с ним на Кубань [2, д. 2, л. 64–66 об.]. Она показала, что о Я. Резепке слышала от «богородца ж Ивана... которой ныне живет в Турецкой области, на Крынках (? – Д. С.), что он из Российской империи старуху с сыном, которая жила на Миусе... отвел на Кубань...» [2, д. 2, л. 65 об.]. Интересно, что некоторые из «богородцев» считали, что Я. Резепка и его товарищ пришли специально с Кубани для «призыву з Дону богородцем» [2, д. 2, л. 70 об.]. К характеристикам «богородцев» можно отнести и то, что они уходили из привычных мест проживания (станций), поселяясь в землянках. Повидимому, речь могла идти о принадлежности таких людей к какой-то из старообрядческих групп.

Полагаю, что 8 февраля 1727 г. начался новый этап этого масштабного розыскного дела [2, д. 2, л. 74–77, 78–86]. Д. Михнев, Ф. Кулемзин «с товарищи четырнадцать человек» были доставлены «на Воронеже в застенки и розыскиваны» [2, д. 2, л. 78]: В частности, шпион Д. Михнев стал активно отказываться от своих прежних показаний [2, д. 2, л. 78]. Другие участники (напр., Г. Тимофеев), напротив, указали на новые детали его биографии: мол, попал в плен к туркам и «показал о себе некрасовцом и оные де (турки-османы. – Д. С.) его отпустили, и по тому де отпуску пошел он и жил у Некрасова лет с пять...» [2, д. 2, л. 78 об.]; на причастность «богородцев» к расколу [2, д. 2, л. 79], на особенности уговоров шпионами потенциальных беглецов «бежать с собою на Кубань, объявляя, что у них жить хорошо и на Кубани де староверят и за старую веру не гонят» [2, д. 2, л. 79]. Тот же Г. Тимофеев показал, что собиравшиеся в зимовье люди действительно «имели раскол и перекрещивались вновь от расколника ж Игнатия Семенова, которой у них в зимовье был учителем и имеет у себя книги» [2, д. 2, л. 79]. Параллельно данной части розыска продолжались поиски Я. Резепки, отправившегося с р. Деркулы к еще одному «богородцу», казаку ст-цы Луганской И. Пенкину на р. Теплую, а потом якобы собиравшегося в г. Маяцк («Мояки») Бахмутской провинции [2, д. 2, л. 87–88 об., 98–99]. Между тем, измученных до-

просами людей подвергли очередным пыткам (напр., Ф. Кулемзина, Г. Тимофеева жгли огнем), которые приводили к новым признаниям, в т.ч. о намерении бежать на Кубань весной 1727 г. [2, д. 2, л. 110–111, 112–113 об.]. Оговору подвергся поп ст-цы Кочетовской Анисим Щербак, якобы знакомый со шпионом Я. Резепкой [2, д. 2, л. 127, 128 и др.]. А. Щербака позже допросили в Воронежской губернской канцелярии, но тот обвинения отверг. Также поймали И. Пенкина, тоже ставшего отрицать обвинение в свой адрес [2, д. 2, л. 133–133 об.]. А вот И. Воронков показал, что Я. Резепка все-таки проживал у казака ст-цы Луганской И. Пенкина, которого он якобы хотел отправить для «подговору попа Анисима Щербака, которой Луганской станицы от казаков отрешен и никуда не определен...» [2, д. 2, л. 129]¹. В июле 1727 г. в воронежском застенке расспросили еще двух человек, намеревавшихся весной бежать на Кубань – Я. Мартинова (по подговору Ф. Медведева, но видевшегося с Я. Резепкой и знакомого с Ф. Кулемзиным) и И. Кривкина (по подговору Ф. Медведева) [2, д. 2, л. 146–148]. По словам И. Кривкина, извешчик рассказывал, что от И. Некрасова и С. Кобыльского присланы для подговора «на Кубань з Дону богородцов» шпионы – Д. Михнев и Я. Резепка [2, д. 2, л. 147 об.].

Еще в августе-ноябре 1727 г. некоторых обвиняемых продолжали пытать в застенке..., но кому-то повезло больше других [2, д. 2, л. 148 об.–149, 193–193 об.]. По данным И. И. Дмитренко, Д. Михнев умер до окончания дела. Другой некрасовский шпион, Я. Резепка, так и не был схвачен властями. Ф. Клементьева было указано «бить кнутом нещадно и вырезав ноздри, сослать вечно в ссылку в Сибирь» [8, с. 67]. Еще десятерых обвиняемых ожидали битье кнутом и ссылка в Сибирь, но без вырывания ноздрей. Вдову А. Нефедьеву наказали 30 ударами и освободили. Без наказания освободили еще одного человека – И. Сапелкина. Наконец, замечает И. И. Дмитренко, все эти наказания были приведены в исполнение по императорскому указу «на Воронеже на торговой площади в торговый день...» [8, с. 67]. Что касается дальнейшей судьбы примечательного явления, проанализированного в статье, то, по моему мнению, оно вскоре пришло в упадок. По крайней мере, нам неизвестны регулярные известия о последующих отправках с Кубани в Россию некрасовских шпионов. Причины такого положения дела предстоит изучить, причем, скорее всего, они не связаны с состоянием сохранившейся и актуализированной источниковой базы. Замечу, что примерно в тот же период, когда количество сведений о некрасовских шпионах резко сократилось (т.е. к концу 1720-х гг.), со страниц письменных исторических источников исчезло имя атамана И. Некрасова! Автор статьи связывает данное обстоятельство со смертью (гибелью) атамана, последовавшей, предположительно, не позже 1729/1730 г. Замечу, что на т. н. кубанский период жизни И. Некрасова пришлось основное время бытования явления, организованного именно им. Следовательно, «угасание» шпионской активности казаков-некрасовцев можно, в первую очередь, связать именно с уходом из жизни атамана И. Некрасова. Сомнительно полагать при этом, что на судьбу указанного шпионства существенно повлияли контрмеры российских властей, либо изменившееся к нему отношение со стороны правящих Гиреев и их представителей на Кубани.

Переходя к выводам, подчеркну, что исследованное в статье шпионство необходимо отнести к активной деятельности именно казаков-некрасовцев. Впрочем, оно вообрало в себя некоторый предыдущий опыт донского казачества и первых («старых») кубанских казаков. Эти первые кубанские казаки (т. н. казаки-ахреяне) хотя и занимались сманиванием, но не были замечены в активной шпионской деятельности. Некрасовские шпионы и их «подрывная работа» – любопытный феномен из истории уже следующего этапа освоения Кубани казачеством, берущего свое начало летом 1708 г. Расцвет указанного явления пришелся на 1710-е – 1720-е гг. Создание на Кубани шпионской сети, тем не менее, происходило не сти-

¹ Промежуточные результаты проверки в Воронежской губернской канцелярии показаний А. Щербака, И. Пенкина, И. Воронкова см. в документе за август 1727 г. [2, д. 2, л. 133–134]. Несмотря на жестокие пытки, в т.ч. с использованием огня, обвиняемые продолжали стоять на своем.

хийно, а организованно, целенаправленно и под контролем атамана И. Некрасова. Судя по источникам, именно он направлял деятельность своих шпионов, которая, помимо прочего, укрепляла его позиции в казачьей среде и в глазах крымцев, ногайцев, турок-османов. При подготовке людей для занятий шпионством И. Некрасов и его соратники проявляли гибкость и изобретательность (использование метода переодевания/мимикрии, привлечение к занятию шпионством людей, знакомых с территорией предполагаемой засылки и пр.). Метод отправки в Россию сразу нескольких шпионов, судя по источникам, являлся более пространственным – по сравнению с засылками шпионов по одному.

Подрывная деятельность некрасовских шпионов на территории России отличалась функциональным разнообразием. Она включала в себя сбор всевозможной разведывательной информации, сманивание на Кубань российских подданных, передачу «прелестных» писем, а также другие эффективные формы «воровства». Некрасовские казаки сумели создать для России несколько крупных проблем военно-политического характера, отнимавших у царских администраторов немало времени и ресурсов. Шпионы И. Некрасова сыграли во всем этом особенную и заметную роль, явно недооцененную в предшествующей историографии. О некрасовских шпионах и о борьбе с ними регулярно писали друг другу крупные российские сановники, военные; в курсе дела также был царь Петр I. Такое положение вещей случайностью назвать нельзя: некрасовская угроза (со всеми ее составляющими, включая шпионство) четко осознавалась властью как действительно реальная и масштабная, требующая к себе постоянного внимания. В статье было доказано, что российские власти системно осуществляли многочисленные розыскные, в т. ч. профилактические, мероприятия, направленные на пресечение/предотвращение деятельности некрасовских шпионов, а также на их поимку и организацию допросов. Гибель (смерть) И. Некрасова в конце 1720-х гг., судя по всему, подвела черту под всем предыдущим функционированием т. н. некрасовского шпионства. Она же, скорее всего, вызвала известный кризис, «угасание» разветвленного (по формам и методам реализации) шпионства в местной казачьей среде, потерявшего для нее былое значение и привлекательность.

Список источников и литературы

1. *Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишним.* Новочеркасск: б/и, 1891. Т. 1. 347 с.
2. Государственный архив Курской области. Ф.1692. Оп.1. Д. 2.
3. Гераклитов, А. А. (1923). *История Саратовского края в XVI-XVIII вв.* Саратов: Друкарь, 1923. 381 с.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.55. Оп.1. Д.1393.
5. ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.1471.
6. ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.1476.
7. Дубасов, И. И. *Реферат о бытовых чертах Шацкого края начала XVIII века* // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1893. Вып. XXXVII. Отдел I. С. 7–15.
8. Дмитренко, И. И. (1899). *К истории некрасовцев на Кубани* // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. С. 65–68.
9. *Копии указов Императора Петра I, имеющих отношение к истории Тамбовской губернии* // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов: Типография Губернского правления. 1895. Вып. XL. С. 275–324.
10. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д.31.
11. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 111. Оп. 1. 1718 г. Д. 6.

13. *Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского. 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества* / автор-составитель В. А. Гусев. Волгоград: б/и., 2019. Вып. 12. 392 с.

14. [Фелицын, Е. Д.] (1904). *Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области*. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет. Т. 1. 306 с.

References

1. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Vojska Donskogo, sobrannye general-majorom A. A. Lishinym*. (1891). [Acts relating to the history of the Don Army, collected by Major General A. A. Lishin]. Novocherkassk: b / i, Vol. 1. 347. (in Russian).

2. Heraclitov, A. A. (1923). *Istoriya Saratovskogo kraya v XVI-XVIII vv.* [History of the Saratov Territory in the XVI-XVIII centuries]. Saratov: Drukar, 381. (in Russian).

3. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti*. (GAKO). [State Archives of the Kursk Region]. Form 1692. Op. 1. D 2. (in Russian).

4. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* (GARO). [State Archives of the Rostov Region] F.55. Op. 1. D.1393. (in Russian).

5. GARO. F.55. Op. 1. D.1471. (in Russian).

6. GARO. F.55. Op. 1. D.1476. (in Russian).

7. Dmitrenko, I. I. (1899). *K istorii nekrasovtsev na Kubani* [To the history of Nekrasov Cossacks in the Kuban] in *Izvestiya Obshchestva lyubiteley izucheniya Kubanskoy oblasti*, 1, 65-68. (in Russian).

8. Dubasov I. I. *Referat o bytovykh chertakh Shatskogo kraya nachala XVIII veka* (1893). [Abstract of Dubasov I. I. on the everyday features of the Shatsk region at the beginning of the 18th century] in *Izvestiya Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, XXXVII, I, 7-15. (in Russian).

9. *Kopii ukazov Imperatora Petra I, imeyushchih otnoshenie k istorii Tambovskoj gubernii* (1895) [Copies of the decrees of Emperor Peter I related to the history of the Tambov province] in *News of the Tambov Scientific Archive Commission*. Tambov: Printing house of the Provincial Government. XL. 275–324. (in Russian).

10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voennno-Morskogo Flota* (RGAVMF) [Russian State Archives of the Navy]. D. 233. Op. 1. File 31. (in Russian).

11. RGAVMF. F. 233. Op. 1. D. 103. (in Russian).

12. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 111. Op. 1. 1718. D. 6. (in Russian).

13. *Sluzhba donskih kazakov. Otstavnye kazaki Vojska Donskogo. 1777 god: materialy po istorii i genealogii kazachestva* (2019) [Service of the Don Cossacks. Retired Cossacks of the Don Army. 1777: materials on the history and genealogy of the Cossacks] / author-compiler V. A. Gusev. Volgograd: b / I; Vyp. 12. 392. (in Russian).

14. [Felicyn, E. D.] (1904). *Sbornik arhivnyh dokumentov, odnosyashchihsya k istorii Kubanskogo kazach'ego vojska i Kubanskoj oblasti*. [Collection of archival documents relating to the history of the Kuban Cossack army and the Kuban region]. Ekaterinodar: Kuban Regional Statistical Committee. T. 1. 306. (in Russian).